

ИЗОБИЛИЕ РЕСУРСОВ КАК ОДНА ИЗ ЧЕРТ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова¹

В данной статье рассматривается фронтир с точки зрения изобилия ресурсов. По мнению авторов, именно это свойство фронтаира делает его притягательным для различных этнических групп, стремящихся освоить эту территорию. Изобилие ресурсов характеризовало и российские фронтаиры — сибирский и нижневолжский. Народная молва превращает фронтирные территории в своеобразную утопию, напоминающую Эльдорадо или Беловодье. С подобным феноменом мы встречаемся как в различных американских фронтаирах, так и в российских. Вместе с тем, в отличие от американского фронтаира, эксплуатация ресурсов российских фронтаиров, к сожалению, не всегда ведет к процветанию данного региона.

Ключевые слова: фронтир, ресурсы, Эльдорадо, Юг России, утопия.

Yakushenkov S. N. , Yakushenkova O. S. Abundance resources as one of the peculiarities of frontier territories

This article examines the frontier as the area with resource abundance. According to the authors, this feature of the frontier makes it attractive for a variety of ethnic groups coming to the area. An abundance of resources were the main feature of Russian frontiers, such as the Siberian and the Lower Volga frontiers. Popular rumors turned them into a kind of utopia, like Eldorado and Belovodie. Such phenomena are met in different American and Russian frontier territories. However, in contrast to the American case, the exploitation the Russian frontier resources, unfortunately, does not always lead to the prosperity of the region.

Key words: frontier, resources, Eldorado, South Russia, utopia.

Упоминания о фронтире чаще всего ассоциируются с образами лихих ковбоев, индейцев в боевых нарядах, сражающихся с американскими кавалеристами, переселенцев, грязных старателей, героических шерифов, наводящих порядок часто с помощью их главного аргумента — револьвера, одна из популярнейших моделей которого была так и названа «Миротворец» (Peace-maker).

Но вся эта вестерновская символика имеет чаще всего отношение к беллетристике или современным голливудским фильмам, формирующим этот образ. Конечно, Голливуд не первым начал создавать подобные образы, однако

¹ Якушенков Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Астраханского государственного университета. Эл. почта: shuilong@mail.ru

Якушенкова Оксана Сергеевна – аспирант кафедры культурологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: jestershadow@mail.ru

для современного массового представления о фронтире американские фильмы (а также итальянские, немецкие, югославские и пр.) сделали немало.

Ф. Тёрнер, когда создавал свою фронтирную теорию, видел во фронтире совершенно иные признаки. Для него фронтир был краем невероятных возможностей, неистовых людей, которые своим усердием и подвигами, порой с риском для жизни, создавали будущее процветание Америке. Здесь, по мнению Тёрнера, ковались основные черты национального характера: инициативность, авантюризм, смелость, независимость, приверженность демократическим принципам и т.д. Вот как Тёрнер сам характеризует значимость фронта: «Дикий Запад, историческая северо-западная территория сейчас является центральным регионом Соединенных Штатов, а еще век назад это была сплошная дикость (wilderness), прерываемая лишь немногочисленными французскими поселениями и деревушками американских поселенцев вдоль реки Огайо и ее притоков... сегодня этот район является краеугольным камнем американского содружества. С 1860 года большая часть населения Соединенных Штатов проживает в его пределах, а центр национальной промышленности располагается всего лишь в 8 милях от дома президента Мак-Кинли в Огайо. Из семи президентов, избранных в США с 1860 г., 6 были выходцами с Дикого Запада, и лишь седьмой из них был родом из района к западу от Нью-Йорка» [21, с. 433-443]. И действительно, многие современные институты США берут свое начало именно на территории так называемого Дикого Запада (Wild West), или фронта. Именно здесь, несмотря на превалирование мужчин в гендерном составе западных штатов, женщины добиваются равных с мужчинами прав в избирательной системе, и не только получают право, но и избираются в высшие органы власти. Здесь создаются новые социальные отношения и в конечном итоге возникает новая нация — сплав самых различных культур, кровей и т.д. Местные фермеры получали здесь огромные возможности для реализации своих амбиций, что дало В.И. Ленину повод говорить об особом характере аграрных отношений на Диком Западе [7, с. 226].

И хотя для Ф. Тернера наличие новых земель было главным движущим мотивом переселенцев, однако фронтир это не только новые земли, которые манят переселенцев, стремящихся превратить их в фермерские хозяйства. Фермерская экспансия на американском фронтире — относительно позднее явление, возникающее после того, как другие типы эксплуатации местных ресурсов частично исчерпаны, а сам фронтир, по сути, входит в новую фазу.

Очень часто фронтир начинается там, где возможна добыча дополнительных ресурсов. Продвижение испанцев на территорию индейцев в Центральной и Южной Америке было продиктовано стремлением к получению главного символа богатства — золота. Сибирский фронтир, как, впрочем, и американский, начинался из потребности получить другой эквивалент богатства — так называемое мягкое золото, или, как его называли на Руси, — мягкая рухлядь.

Речь идет о пушнине. О важности ее добычи для развития экономики написаны многочисленные труды [9, с. 243-261; 5; 2; 18;15; 22], поэтому здесь мы не будем на этом подробно останавливаться. Добыча пушнины, или трапперский бизнес, на фронтире была рискованна, однако приносила огромные прибыли и могла легко обогатить человека. Все это позволило американскому ученому У. Готцманну назвать некоторых трапперов «джексоновским человеком» [16, с. 402-415], причем под термином «джексоновский» понимались отнюдь не политические пристрастия, а некоторые общие признаки, схожие с теми, которыми Ричард Хофстадтер наделял среднего американца как потенциального капиталиста или будущего капиталиста («expectant capitalist»): «Типичный американец был потенциальным капиталистом, трудолюбивым, амбициозным парнем, для которого его дело было чем-то вроде религии» [17, с. 73]. И в определении Хофстадтера, и в характеристиках «джексоновского человека», данных Готцманном, политические пристрастия уходят на задний план. Определение «джексоновский», как нам кажется, понадобилось Готцманну, чтобы подчеркнуть, что судьба любого среднего американца могла сложиться так, как и судьба Эндрю Джексона, — из простого бедняка он мог стать президентом страны. Дикий Запад с его несметными ресурсами давал ему эту возможность. Каждый траппер, занимавшийся добычей пушнины, мог, как и знаменитый Роберт Кэмпбелл (1804–1879), из беднейшего ирландского парня, приехавшего в Америку с пустыми руками, превратиться в миллионера [19].

Пушной промысел в Сибири продолжал играть важную роль даже в середине XIX в., однако очень многие российские ученые начинают весьма критически относиться к методам добычи пушного зверя. Как писал известный сибирский историк А. П. Щапов, «сохранение первобытного, непосредственно-натурального элемента в народной экономике, в основе тысячи народных поселений, в том виде, в каком они существуют, есть грубое, анахроничное продолжение первобытного, звероловческого состояния людей, есть остаток и наследие от всеобщей бедности древней России, находившей лишь богатство в соболиной казне и характеризовавшейся своими бобровничьими, сокольничьими и т.п. деревнями, и наконец, есть свидетельство низкой культуры там, где еще сохраняется этот терологический элемент народной промышленности» [12, с. 32-33]. С ним солидаризируется и другой сибирский исследователь XIX в. Н. М. Ядринцев. Последнего по праву можно назвать сибирским Тёрнером, так как он одним из первых подробно описал пути колонизации Сибири, выделив разные ее волны: звероловческую, горнозаводческую, старательскую и скотоводческо-земледельческую [13].

Примечательно, что торговля пушниной и кожами осуществлялась и на другом российском фронтире — Астрахани. Сам факт того, что слово «Астрахань» во всех европейских языках помимо собственно географического наименования стало обозначать еще и «каракуль», а также изделия из него, говорит сам

за себя. На Нижней Волге велась самая разнообразная торговля со странами Востока, причем не только транзитная торговля, но и торговля кожаными и шерстяными изделиями собственного производства. Конечно, нет ничего удивительного, что именно меховые и кожаные изделия были теми товарами, которые пользовались высоким спросом в определенные периоды истории. И хотя до сих пор меховые изделия входят в категорию предметов роскоши вряд ли они могут доминировать среди экспортируемых товаров каких-либо стран, да и современные меховые изделия – скорее продукт промышленных технологий звероводческих ферм, чем результат охотничьего промысла. Вместе с тем на земном шаре остается еще множество мест, где промысел животных (меха, кож и т.д.) играет важную роль в региональной экономике. Как правило, это территории с неразвитой экономикой, что еще раз подтверждает правоту выводов К. М. Бэра, А. П. Щапова и Н. М. Ядринцева о примитивном характере региональных экономик, ориентированных на отстрел редких животных. Хотя, как нам кажется, Ядринцев переоценивал роль земледелия в колонизации новых земель.

Особую статью доходов как в Сибири, так и на южнорусском фронтире составляли ловчие птицы, продажа которых, особенно иностранцам, регламентировалась особыми законами. Соколов, ястребов, беркутов и другую ловчую птицу запрещалось продавать на вывоз в Персию, Среднюю Азию и другие страны вплоть до XIX в. Хотя эти птицы в Астрахани стоили не очень дорого, это была особая статья доходов казны, которая тщательно контролировалась, возможно, именно отсюда и вошло в ловчий арсенал выражение «мытиться» («линять») для соколов и других хищных птиц, так как первоначально слово «мытиться» означало платить таможенную пошлину (ср. таможня — мытный двор). Подобная птица, как правило, входила в число царских подарков во время посольств в страны Востока, и чтобы не снижать ценность дара, подносимого иностранному правителю от русского царя, продажа ловчих птиц за рубеж была строго ограничена. Однако их ловля и продажа продолжали играть заметную роль в хозяйственной жизни российских фронтиров, ежегодно при Алексее Михайловиче в отдаленные уголки отправлялись ловчие для поимки соколов и кречетов для царской охоты. В его царствование на потешных дворах содержалось несколько тысяч ловчих птиц. Естественно, что хорошо натасканные на дичь птицы высоко ценились в подарках, направляемых к восточным правителям. Цена такой птицы доходила порой до 1000 р. [6, с. 149].

Особым ресурсом фронтирных территорий можно считать и рыбные запасы, особенно редких и ценных пород. Ценность рыбных ресурсов для фронтирных территорий хорошо продемонстрировал уже упомянутый Н. Ядринцев, приведя в качестве аргумента слова [13, с. 701-702] одного из основателей Плимутской колонии Джона Смита, которого можно считать отцом новой американской нации. Но чтобы понять контекст, в котором и встречается дан-

ное напутствие, нужно ознакомиться с первоисточником. В нем Дж. Смит анализирует специфику испанской колонизации Америки. В заключение он добавляет, что в отличие от Колумба не может пообещать никаких золотоносных копей, однако есть то, на что следует обратить особое внимание: «Мои почетные и достойные люди страны, пусть не отвращает вас вся ничтожность слова рыба, ибо это позволит вам иметь столько же золота, как и рудники Гвианы и Потоси, но с меньшей опасностью и трудом, а большей уверенностью и легкостью» [20, с. 93]. В качестве аргументов Смит предлагает брать пример не с испанцев с их колониями, богатыми месторождениями золота, а с голландцев, обогатившихся за счет лова рыбы.

Нижняя Волга в плане рыбных запасов и возможности выжить, прокормить себя воспринималась как страна изобилия. Вот как описывает отношение бродячего люда к возможностям, раскрывающимся перед простым народом на южном фронтире русский поэт И. С. Аксаков в своей поэме «Бродяга». В начале поэмы бродяги-крестьяне, убежав от своих помещиков и отчаявшись найти лучшей доли, уговаривают друг друга идти в Астрахань:

*Послушай и отправляйся смело,
Хоть в Астрахань! Ступай по Волге вниз,
Да к бурлакам; там люд удалый сбродный;
Другой такой губернии народной
И не найдешь... Татарин и Киргиз,
Калмык, Бухар, Трухмены, да Армяне...* [1, с. 420-421]

Эта этническая полифония, да и определение «народная губерния» как нельзя лучше говорят за себя, подтверждая нашу мысль, что перед нами типичная фронтальная территория. Важно и то, что определение «народная губерния» не было выдуманно И. С. Аксаковым, о чем он писал в примечаниях к своей поэме. Он услышал его от одного саратовского крестьянина [1, с. 420].

Здесь же мы находим и другое меткое выражение про астраханские богатства:

*Про Астрахань пословицу слышал,
Что осетра мужик в печи поймал?* [1, с. 419]
Есть и другие приметы волной жизни в дельте:
*А там гуляй, как водяная мышь,
То в море ты, то на берег в камыш!
Ну, половил, понажился немного...
Не по душе, не влюбишь сторону:
Валяй себе, гуляй до Таганрога!* [1, с. 425]

Богатства Волги под Астраханью манят бродяг, представляются им некоторой фантастической землей с бесконечными запасами. Старик, уже побывавший в Астрахани, так описывает ее богатства:

*Вот там-то, брат, там золотое дно:
Белугами полнѣхонько полно!
Осетр, тюлень, севрюга... словно в сборе!..
Уж прибыльно! В весенний ранний лов
Кишма кишат они у берегов,
Сплошной стеной стоят под учугами!..
Ей богу, так! Пошлиб, узнали сами!
Да что ловцы! Весной, поверишь ты,
Руками девки ловят за хвосты, —
Так, в лодочке шая одновесельной!... [1, с. 418-419]*

Здесь мы видим, хотя и в поэтическом переложении Аксакова, мы видим типичный образчик представлений о сказочной стране, расположенной где-то далеко и манящей своими несметными богатствами. Данный вопрос напрямую не имеет отношения к анализируемой проблеме, однако символика несметных богатств весьма характерна для фронтальных территорий.

Именно на символике некой утопической страны, где путешественник может встретить несметные сокровища, и строились представления фронтальных людей, стремящихся найти эти земли. Эти утопии о сказочных райских землях постоянно возникали во все времена в разных уголках земного шара, и не важно, как их называли — Эльдorado, Пайтити, Сибола, Беловодье, все их роднит одно — их создатели были людьми романтичными, надеющимися в новых землях обрести несметные богатства и душевный покой. Советский историк С. А. Созина так пишет об Эльдorado: «В нем, как в зеркале, отразилась бурная эпоха противоборства Старого и Нового Света. Родившись в схватке двух миров, оно в равной мере принадлежало Европе и Америке. Дитя конкисты, Эльдorado впитало в себя ненасытные мечты завоевателей о золотой наживе и причудливые представления древних индейцев» [10, с. 8]. Подобные высказывания справедливы и в отношении других мифических местностей — Пайтити и Сибола. Описание их следовало одной схеме: удаленность и трудность достижения из-за сложностей природы или кровожадности зверей и племен, населяющих близлежащие местности, несметные сокровища или запасы жизненных ресурсов, особые нравы обитателей этих мест и т.д. Конечно, только очень смелые и отчаянные люди могут отважиться на покорение таких земель. Описывая одного из таких авантюристов, губернатора Венесуэлы, кто первый отправился на поиски Эльдorado, американский антрополог Адольф Бандельер так характеризует Амброзия Дальфингера: «Дальфингер был хра-

брый солдат, который не позволял никаким превратностям тропической природы, ни сопротивлению, оказанному ему местными народами, заставить его повернуть назад. Однако он был грубым, бессердечным солдатом, подобным которому европейские армии того времени снабжают нас множеством примеров. Золото и рабы были его единственной целью, в погоне за которыми он до такой степени ограбил населенную местность, а затем уничтожил ее население, что даже испанские историки оценивали его деяния с нескрываемым отвращением» [14, с. 16].

Нет ничего удивительного в том, что сюжеты о поиске сокровищ затерянных городов, храмов из золота, богатейших копей было и остается излюбленной темой литературных произведений и художественных фильмов с фронтирной тематикой.

Но было бы ошибочно полагать, что все эти утопические описания сказочных земель — удел лишь эпохи завоевания Америки. Достаточно обратиться к русской литературе XIX в. чтобы найти многочисленные описания сказочной страны, получившей название Беловодье, куда направлялись смельчаки из российской глубинки в поисках лучшей доли. Очень живописный рассказ одного подобного путешественника, который якобы посетил Беловодье, мы находим в романе «В лесах» русского писателя-этнографа П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Здесь и опасности пути, и несметные сокровища, и духовный подвиг людей, живущих в этой стране, и многое другое, в описании которого легко угадывается фронтирная утопия земли с «молочными реками и кисельными берегами»: «Чего мы там не натерпелись, каких бед-напастей не испытали; сторона незнакомая, чужая и совсем как есть пустая — нигде человечья лица не увидишь, одни звери бродят по той пустыне. Двое наших путников теми зверями при нашем виденье заедены были. Воды в той степи мало, иной раз дня два идешь, хотя б калужинку какую встретить; а как увидишь издали светлую водицу, бежишь к ней бегом, забывая усталость. Так, однажды, увидав издали речку, побежали мы к ней водицы напиться; бежим, а из камышей как прыгнет на нас зверь дикий, сам полосатый и ровно кошка, а величиной с медведя; двух странников растерзал во едино мгновенье ока...». Но старания путников вознаграждены, и они попадают в сказочную страну: «И уж скажу ж я вам, что только там за рыбная ловля! Много рек видал я на своем веку: живал при Дунае и на тихом Дону, а матушку Волгу с верху до низу знаю, на вольном Яике на багреньях бывал, все сибирские реки мне вдосталь известны, а нигде такого рыбного улова я не видал, как на том Беловодье!.. Кажется, как к нашим местам бы да такие воды, каждый бы нищий тысячником в один год сделался. Такое во всем приволье, что нигде по другим местам такого не видно. Всякие земные плоды там в обилье родятся: и виноград и пшено сорочинское; одно только плохо: матушки ржицы нет и в заводе...» [8, с. 94].

Но эти «земли изобилия» были не только вымыслом. Вне всякого сомнения, отличительной чертой фронтальных территорий была и остаётся избыточность ресурсов, воспринимаемых всяким попадающим сюда как несказанный рай. Но фронталь лишь представляет ресурсы, он открывает их наиболее удачливому, смелому, готовому поставить на карту свою жизнь, трудиться без устали, жить без всяких условий, предоставляемых цивилизацией. Здесь удачливый богач соседствует с последним бедняком, мечтающим также стать миллионером. Истории российских фронтальных территорий полны примерами таких удачных фронтальщиков, приобретших огромные богатства за счет добычи и продажи фронтальных ресурсов. Поэтому описание многих фронтальных городков даже во второй половине XIX в. изобилует живописными картинками быта, скорее напоминающими американский Дикий Запад, чем жизнь российской провинции. Вот как описывает историк-краевед XIX в. А. Штылько нравы одного из новых астраханских районов, возникшего на волжском берегу, на месте вновь образовавшейся речной косы: «На Косе бок-о-бок живут возмутительнейший разврат и примерная добродетель; ужасы нищеты, позора, несчастья — и прелести богатства, счастья, славы; голод и обжорство; лохмотья и бархат, шелк, кружева; на Косе рядом со страданиями льется шампанское, проигрываются тысячи в бессмысленные игры» [11, с. 22].

Ученые накопили массу сравнительного материала, отражающего параллели в восприятии некоторых фронтальных территорий России и США, поэтому не будем останавливаться подробно на этом вопросе [4, с. 75-77].

Однако все перечисленные ресурсы не исчерпывают специфики фронтального потенциала. Динамика эксплуатации фронтальных ресурсов происходила и происходит повсеместно. Можно с уверенностью сказать, что данный процесс был и будет иметь место перманентно, меняются лишь сами ресурсы на подобных территориях, причем характер их эксплуатации претерпевает несколько стадий в зависимости от различных типов фронтальных периодов (ранний фронталь, фронталь или постфронталь).

И в Сибири, и в США первые волны фронта были трапперскими и торговыми, за которыми шли шахтерский (старательский), скотоводческий и фермерский (земледелие). Как справедливо заметил Н. М. Ядринцев, «всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения» [13, с. 190]. Правда, вместо определения «потребности мирового расселения» мы бы поставили термин «потребности мировой экономики». Именно эти потребности, порой даже входящие в противоречие с потребностями национальной экономики, стимулируют эксплуатацию фронтальных ресурсов на определенном этапе. В то же время особенность освоения Сибири, отличающая ее от освоения других фронтальных территорий, состоит в том, что очень часто многие формы эксплуатации местных ресурсов практически сосуществовали, правда это можно объяснить раз-

мерами данной территории и разными актантами данного процесса. Первые переселения землепашцев следует отнести к концу XVI в., однако вряд ли земледелие можно было считать в тот период доминирующим занятием среди переселенцев. Во многих фронтальных областях России ранние формы колонизации не только были промысловыми и торговыми, но и очень часто подкреплялись военной колонизацией (строительство фортов, крепостей, острогов и т.д.). В то же время военная колонизация Дикого Запада в США — относительно позднее явление, пришедшее на смену трапперскому и торговому освоению местных ресурсов для обеспечения безопасности скотоводам, старателям и земледельцам.

Примечательно, что при наличии обилия ресурсов фронт сам нуждается в импорте ресурсов из метрополии. В этом плане фронтимэн — это еще и человек, занимающийся перемещением и перераспределением самых различных ресурсов. Конечно, на более поздних этапах фронт постепенно становится самодостаточным, способным обеспечивать себя всем необходимым, но как только это происходит, он практически перестает быть фронтом, превращаясь в постфронтное общество. В то же время это не означает, что такая трансформация необратима. В истории фронтальных территорий известно множество примеров подобных изменений, имеющих как эволюционный, так и деэволюционный вектор развития. Сибирь — тому ярчайший пример, когда из территории, приносящей стране огромные прибыли, она вдруг превращалась в серьезную обузу — черную дыру, требующую со стороны центра большого внимания и финансовой поддержки, причем процесс этот начался отнюдь не в советский период. Еще в 1840-х гг. начали раздаваться голоса, критически относящиеся к экономическому потенциалу Сибири. Генерал Н. Б. Герсегонов, известный писатель и литератор, высказал следующее мнение, которое вряд ли можно считать эксклюзивным: «В некотором смысле можно сказать, что Сибирь, питаясь соками России, сама мало от того тучнеет, а отнимает силы у своей кормилицы. Капиталы, ум, деятельность, расточаемые в Сибири нашими промышленниками, — все это, будучи употреблено в России, принесло бы гораздо более пользы» [3, с. 30]. Вряд ли эти пессимистические выводы Н. Герсегонова, известного своим консерватизмом, можно считать совсем беспочвенными и, как мы уже сказали, являющимися исключением среди российской интеллигенции. Именно схожими аргументами руководствовалось российское правительство при продаже колонии Росс и Аляски.

В заключение Н. Герсегонов констатирует: «С какой стороны ни смотреть на Сибирь... все заставляет думать, что ей надолго еще оставаться пустынной» [3, с. 34].

С тех пор прошло уже более полутора веков, но многие проблемы фронтальных территорий так и остались нерешенными. При всем обилии местных ре-

сурсов очень часто многие фронтальные территории в России так и остаются дотационными.

Все это неоспоримо свидетельствует о том, что фронтальные процессы на этих территориях не закончились и мы присутствуем при очередном этапе фронтальной истории. Но теперь вместо какой-нибудь мягкой рухляди, бивней мамонтов или драгоценных камней основным ресурсом, связывающим фронтальные территории с метрополией, становятся нефть и газ.

Специфика эксплуатации ресурсов на фронтальных территориях порождает одну очень важную проблему — чаще всего речь идет об экстенсивном их использовании и невосполнимости. Природная специфика подобных ресурсов такова, что практически невозможна их рекреация. Напротив, их эксплуатация, как правило, осуществляемая экстенсивными методами, не только ведет к их истощению, но и наносит непоправимый вред окружающей среде, да и самому человеку. Из земли обетованной фронтальная территория, сулящая в прошлом немалую выгоду, может легко превратиться в малообжитую пустыню, всеми заброшенную и непригодную ни для жизни человека, ни для животных, птиц или рыб. Такова была участь так называемых бэдлэндс в США, пострадавших от неумелого сельскохозяйственного их использования, потерянные запасы пушного зверя в Сибири, уничтоженные рыбные запасы Волги и Каспийского моря, умершее Аральское море и многое-многое другое. Упоение неистощимостью ресурсов новых территорий, месторождений, недр, шахт, бассейнов и т.д. может в любой момент сыграть очень злую шутку с человеком, возмнившим себя царем природы. Поэтому перед учеными самых разных областей знания стоит сложная задача осознания регионального развития, прогнозирования и быстрого реагирования на все вызовы, которые возникают как на региональном, так и на национальном уровне. Перефразируя известные слова французского писателя А. де Сент-Экзюпери, скажем, что мы в ответе за ту страну, которую получили.

Библиографический список

1. Аксаков И. С. Бродяги // Московский сборник. М.: б. и., 1852. Т. 1.
2. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927.
3. Герсеванов Н. Б. Замечания о торговых отношениях Сибири и России // Отечественные Записки. 1841. Т. 14.
4. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
5. Иохельсон В. И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской экспедиции. СПб., 1898. Отд. III, т. X, ч. 3.
6. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов Великоорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: типография Карла Вульфа, 1860.

7. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 27.
8. *Мельников-Печерский П. И.* В лесах. М.: Pubmix, 2012.
9. *Небольсин Г. П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб.: б. и., 1850.
10. *Созина С. А.* На горизонте — Эльдorado! М.: Мысль, 1972.
11. *Штылько А.* Иллюстрированная Астрахань. Саратов: б. и., 1896.
12. *Щанов А.* Историко-географическое распределение населения, часть IV // Русское слово. Литературно-политический журнал. 1865. Т. 7, сентябрь.
13. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. СПб.: И. М. Сибиряков, 1882 (1892).
14. *Bandelier A. F.* The Gilded Man (El Dorado) and Other Pictures of the Spanish Occupancy of America. New York: D. Appleton and company, 1893.
15. *Chittenden H. M.* The American Fur Trade of the Far West. New York: Francis P. Harper, 1902.
16. *Goetzmann W. H.* The Mountain Man as Jacksonian Man//American Quarterly. 1963. Vol. 15, No. 3.
17. *Hofstadter R., Lasch Ch.* The American Political Tradition and the Man who Made It. New York: Vintage Books, 1989.
18. *Laut A. C.* The Fur Trade of America. New York: Macmillan, 1921.
19. *Nester W. R.* From Mountain Man to Millionaire: The «Bold and Dashing Life» of Robert Campbell. Columbia: University of Missouri Press, 2011.
20. *Smith J.* The General Historie of Virginia, New England & the Summer Isles. Together with the True Travels, Adventures and Observations, and a Sea Grammer by Captaine John Smith. Glasgow: J. MacLehose, 1907. Vol. 2.
21. *Turner F. J.* Dominant forces in West life // The Atlantic monthly. 1897. №79 (474).
22. *Wishart D. J.* The Fur Trade of the American West, 1807-1840: a geographical synthesis. Lincoln: University of Nebraska Press, 1992.

References

1. *Aksakov I. S.* Brodjagi // Moskovskij sbornik. М.: б. и., 1852. Т. 1.
2. *Bahrushin S. V.* Jasak v Sibiri v XVII veke. Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1927.
3. *Gersevanov N. B.* Zamechanija o torgovyh otnoshenijah Sibiri i Rossii //Otechestvennye Zapiski. 1841. Т. 14.
4. *Zamjatina N. Ju.* Zona osvoenija (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turah // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. # 5.
5. *Iohel'son V. I.* Oчерk zveropromyshlennosti i torgovli mehami v Kolym'skom okruge // Trudy Jakutskoj jekspedicii. SPb., 1898. Otd. III, t. X, ch. 3.
6. *Kostomarov N. I.* Oчерk domashnej zhizni i nравov Velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletijah. SPb.: tipografija Karla Vul'fa, 1860.
7. *Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij. М.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967. Т. 27.
8. *Mel'nikov-Pecherskij P. I.* V lesah. М.: Pubmix, 2012.
9. *Nebol'sin G. P.* Statisticheskoe obozrenie vneshnej torgovli Rossii. SPb.: б. и., 1850.

10. *Sozina S.A.* Na gorizonte – Jel'dorado! M.: Mysl', 1972.
11. *Shtyl'ko A.* Illjustrirovannaja Astrahan'. Saratov: b. i., 1896.
12. *Shhapov A.* Istoriko-geograficheskoe raspredelenie naselenija, chast' IV // Russkoe slovo. Literaturno-politicheskij zhurnal. 1865. T. 7, sentjabr'.
13. *Jadrincev N.M.* Sibir' kak kolonija. SPb.: I.M. Sibirjakov, 1882 (1892).
14. *Bandelier A.F.* The Gilded Man (El Dorado) and Other Pictures of the Spanish Occupancy of America. New York: D. Appleton and company, 1893.
15. *Chittenden H.M.* The American Fur Trade of the Far West. New York: Francis P. Harper, 1902.
16. *Goetzmann W.H.* The Mountain Man as Jacksonian Man//American Quarterly. 1963. Vol. 15, No. 3.
17. *Hofstadter R., Lasch Ch.* The American Political Tradition and the Man who Made It. New York: Vintage Books, 1989.
18. *Laut A.C.* The Fur Trade of America. New York: Macmillan, 1921.
19. *Nester W.R.* From Mountain Man to Millionaire: The “Bold and Dashing Life” of Robert Campbell. Columbia: University of Missouri Press, 2011.
20. *Smith J.* The General Historie of Virginia, New England & the Summer Isles. Together with the True Travels, Adventures and Observations, and a Sea Grammer by Captaine John Smith. Glasgow: J. MacLehose, 1907. Vol. 2.
21. *Turner F.J.* Dominant forces in West life // The Atlantic monthly. 1897. №79 (474).
22. *Wishart D.J.* The Fur Trade of the American West, 1807-1840: a geographical synthesis. Lincoln: University of Nebraska Press, 1992.